

Чучело науки

[Петр Образцов](#)

Открытие невидимых рентгеновских лучей показало, что окружающая реальность вовсе не такая, как мы ее себе представляем. Имелось в виду – как мы ее видим. Автор книги *«Растут ли волосы у покойника? Мифы современной науки»* (Издательство «БИНОМ. Лаборатория знаний». Серия - *UNIVERSUM*. Пер. Людмила Донская) Эрнст Петер Фишер считает, что именно после открытия X-лучей художники получили «разрешение» на абстракционизм. Этот пример он приводит в качестве доказательства влияния естественных наук на культуру (подразумевая искусство), без сожаления отбрасывая чисто технические аспекты влияния – синтез акриловых красок, изобретение кинематографа, эстрадной «фанеры» и пишущих машинок. Интересно было бы узнать у автора, какое открытие «разрешило» считать дорогим искусством чучело акулы Дэмиена Херста или картины не маслом, а фекалиями.

Зато в самой науке Фишер отыскал романтику, явно не подозревая о Кибировских строчках «Люди Флинта с путевкой обкома/Что-то строят в таежной глуши» - что именно строят? Разумеется, новосибирский Академгородок. Несколько путано изложив представления Новалиса о романтизме, автор связал воззрения поэта с квантово-механическим дуализмом волна-частица и обнаружил при этом романтику в научных исследованиях.

Куда как убедительнее Фишер опровергает нелепый тезис об ответственности науки за последствия своего развития. Во-первых, моральную ответственность могут нести только люди, а наука – это не человек. А во-вторых, за какие такие последствия должна нести ответственность наука? Только не надо про Хиросиму, иначе придется осудить и неандертальского интеллектуала, заострившего палку кремневым ножом. Бомбардировками командовал не Оппенгеймер, а лично президент США, а получившееся копье метнул в чужака не интеллектуал, а лично вождь племени. Кстати, войну на Тихом океане начали именно японцы, так что никаких угрызений совести у президента быть не могло. И тем более у Оппенгеймера, Фейнмана или Ферми, которые всего лишь занимались исследованиями в области ядерной физики. Вот в наше время, например, принято нападать на биохимиков за их опыты на животных – ни в коем случае не отказываясь от использования разработанных при этом противораковых препаратов.

Разрушая широко распространенные мифы о великих ученых и их теориях, автор не забывает о запросах «простого» читателя. Оказывается, все общеизвестные истины вроде «люди должны выпивать в сутки минимум два литра воды, волосы и ногти человека продолжают расти и после его смерти, а кушать по ночам вредно, потому что можно

растолстеть» - чистейшее заблуждение. Мало кто понимает Общую теорию относительности, но все видели фото, где великий Эйнштейн высунул язык. Православный художник Глазунов вставил эту знаменитую фотографию в свою картину маслом размером 2 гектара, намекая на еврейское презрение к человечеству. Но оказывается, что язык Эйнштейн показал всего лишь назойливым фоторепортерам, застигнувшим его на праздновании Дня рождения. Кстати, и учился маленький Альберт вовсе не средненько, как любят оправдываться наши бездельники, а как раз очень хорошо. Недоразумение же возникло после переезда Альберта в Швейцарию, где высшей оценкой считается шестерка, в то время как в Германии – единица. Вот так, по ошибке биографа, прекрасные германские единицы и двойки Эйнштейна превратились в Швейцарии в оценки недоумка.

Самой интересное в книге Фишера - проблема научного творчества. А именно, существует ли это «творчество» и что делает ученый – открывает законы природы, существующие независимо от него, или он эти законы придумывает? В обществе сложилось мнение об уникальности творцов, создающих «Анну Каренину» и «Охотников на снегу», но если бы не Менделеев, то Периодический закон открыл бы кто-нибудь другой, а если бы не Уотсон и Крик, то и структуру ДНК обязательно выяснили бы другие ученые. Автор же считает, что эти ученые открыли бы несколько иной Периодический закон и иную структуру ДНК. Более того – ученый вообще не открывает что-то имеющееся в природе, а чуть ли не придумывает это «что-то». И подтверждения этой странной точки зрения существуют. Например, при тщательном воспроизведении эксперимента Милликена по определению заряда электрона ничего не получается – не мог получить Милликен правильную величину заряда, никак не мог. Однако в рабочем журнале написал правильное число ($1,6 \cdot 10^{-19}$ кулона), которое явно придумал.

В действительности это старая кантовская проблема познаваемости мира. И принципиальная непознаваемость возможна лишь если законы природы непостоянны, текучи и действительно зависят от того, откроет ли их Менделеев или некий Майер. Аргументация автора сводится к утверждениям, что структура Уотсона-Крика является лишь чучелом, моделью, а в природе ДНК выглядит совсем не так. Это верно, в клетке ДНК скручена-перекручена и не слишком похожа на двойную спираль с шариками атомов и стерженьками связей между ними. Однако причем тут авторство Уотсона и Крика? На данном этапе развития науки любой другой биохимик предложил бы точно такую же модель – это подтверждается хотя бы тем, что на классическую двойную спираль никто не посягает уже 60 лет! Она отлично «работает», позволяя ученым совершать эпохальные открытия в молекулярной биологии, прекрасно подтверждаемые практикой. И нет ничего страшного, что все слышали про Шекспира или с восторгом слушали Аллу Борисовну, хотя только профессионалы могут сформулировать Второй закон термодинамики.

В утешение гуманитариям можно только отметить, что естественные науки, если честно, нужны человечеству в основном с практической точки зрения, для разработки новых лекарств, пакетов для супермаркетов или средств уничтожения соседей по планете. В этом смысле ученый недалеко ушел от сантехника, заменяющего фановую трубу в ванной – никто другой этого просто не умеет. А в утешение физикам и химикам заметим, что многие из них наловчились испытывать наслаждение от собственных открытий, даже большее, чем от картин Брейгеля или, прости господи, Ильи Глазунова. Мне кажется, что аргументация Фишера неудовлетворительна, хотя идея «богатая». Но сама книга от этого лишь выигрывает и представляет собой прекрасный образец литературы о заблуждениях толпы. Умелое разоблачение мифов доставляет гораздо большее удовольствие, чем сами мифы.